КРОКОДИЛ

— Скворечник циклевать будем?

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ЖИВАЯ ВОДА

— Приехали,— сказал водитель.

И я остался на магистрали Москва — Симферополь.

В сторону от магистрали уходила аллея. Куда она вела, было совершенно ясно из надписи «Колхоз «Грузия». Впрочем, это даже не надпись, а как бы реклама, видимая и днем и ночью. Громадные буквы сработаны из зеркального стекла, машины освещают их светом фар.

А теперь представьте, дорогой читатель, два ряда тополей и два ряда черешен, выстроенных по шнурочку, аккуратно побеленных и уходящих на полтора километра вдаль. Вдоль этой шеренги с той и с другой стороны ровные ленты асфальта. Затем — еще два ряда таких же веселых черешен. А за ними ряды уютных колхозных домов. Все они выстроены по единому проекту, все на одинаковом расстоянии друг от друга, все крыты светлым шифером. Это и есть главная улица колхоза — улица Ленина.

Идти по ней весело и приятно. Вот и давайте прогуляемся, а заодно посмотрим, что здесь есть еще, помимо вышеупомянутых домов. Вот школа-десятилетка, вот продмаг, хозмаг, вот летний кинотеатр, гостиница, столовая, правление колхоза. А вот и Дом культуры.

Домом это здание можно назвать только от безмерной скромности. На самом деле его следовало бы называть дворцом. Здание выдержит.

Большое фойе. Высокие потолки. Зал для танцев. Зрительный зал на шестьсот мест. Широкий экран. На втором этаже библиотека. Что еще надо?

Если же и этого мало, давайте войдем в «комнату счастья». Здесь происходит регистрация браков, выдача метрик, а также прием иностранных делегаций. По площади «комната» несколько больше зала для танцев. Полированная мебель, столы, какие-то серванты, кресла и мягкие стулья на гнутых ножках.

Откуда ж оно взялось, это великолепие? Из каких таких доходов?

Начало свое оно получило из воды.

У южных народов есть даже такая пословица: где кончается вода, там кончается земля. На Чонгарском полуострове, как известно, воды нет. Есть где-то на глубине ста метров водоносный слой, но добраться до него не просто. И потому перед войной на Чонгаре насчитывалось всего несколько артезианских скважин. Для питья в основном. Приезжайте на Чонгар, и вы увидите эти скважины.

Кроме того, вы услышите рассказ о том, что в 1947 году в колхозе (деревня Николаевка) была всего одна корова. А так как ее сил не хватало для повышения благосостояния колхозников, корову продали. На вырученные деньги купили мотор для артезианской скважины. Ранняя капуста позволила уже через год приобрести десять коров и построить приличное животноводческое помещение.

С этого началось.

Сейчас в колхозе пятьдесят две артезианские скважины. Одни высокие и похожи на водонапорные башни. Эти для снабжения водой населения. Другие едва возвышаются над землей. Эти для поливки. И те и другие несут животворную воду колхозникам «Грузии».

Сейчас, пожалуй, будет кстати и объяснить, откуда взялось название колхоза. В районном центре Геническе, на улице имени Махарадзе, установлена скульптурная группа: украинец и грузин обмениваются рукопожатием, как капитаны команд перед началом соревнования. Здесь тоже, собственно говоря, налицо соревнование. Уже тридцать лет дружат и обмениваются опытом колхозники «Грузии», Генического района, с колхозниками «Украины», Махарадзевского района. И рассказывают, что в городе Махарадзе на Генической улице установлен такой же точно постамент. Как символ дружбы.

Но не только орошение земель помогло колхозу стать на ноги и разбогатеть, а еще и овцеводство.

Овцы в колхозе — самая доходная отрасль, их здесь сейчас тридцать тысяч. Подсчитано, что если из их шерсти спрясть пряжу, то ею можно будет дважды обмотать землю по экватору и еще останется на дамскую кофточку сорок восьмого размера.

О прочих богатствах колхоза мне с гордостью рассказал секретарь парткома колхоза Владимир Иванович Дыркач. Он сообщил, что в колхозе семнадцать с половиной тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, двенадцать с половиной тысяч пахоты, шесть тысяч голов крупного рогатого скота (из них две тысячи дойных коров), тысяча шестьсот свиней и что в прошлом году доход колхоза составил один миллион семьсот пятьдесят тысяч рублей.

Говорил он спокойно, без напряжения, следя за тем, чтобы я все успел записать. И чувствовалось, что эти цифры стоят в его голове четкой шеренгой, как солдаты на вечерней поверке.

Мы собрались ехать на соседний участок, в Николаевку. Колхоз обволакивали нежные сумерки, а над нами сиял ярко-синий купол украинского неба.

— Я сейчас заеду домой и минут через десять буду у вас в гостинице,— сказал секретарь парткома.

И тут я вспомнил, что не взял в дорогу никакого чтива.

— Привезите мне какую-нибудь книжку. Почитать на сон грядущий,— попросил я.

Через десять минут он привез «Суд истории» — репортажи с Нюрнбергского процесса. На книге стоял библиотечный номер: 16296.

На следующий день в десять часов утра комфортабельный автобус «Интуриста» мягко подрулил к правлению колхоза, и тридцать болгар ступили на дружественную землю Чонгара. К их приезду было готово все, даже составлен план, по которому значилось: пункт первый — посещение Дома культуры, пункт второй — посещение школы, пункт третий — животноводство и так далее, вплоть до таинственного пункта № 7. Что означал «пункт № 7», пока было не ясно, но руководители экскурсии, видимо, делали основной упор на него, потому что так и говорили:

— Мы сейчас побыстрей пройдемся по всем объектам, чтобы у нас побольше осталось времени для седьмого пункта.

И действительно, первые шесть пунктов удалось пройти довольно быстро.

На тракторном стане инженер подробно объяснил гостям устройство комбайнов и стогометателей. Он гордился своей техникой и никак не мог понять, почему ею не восхищаются гости. Наконец один из туристов прояснил ситуацию.

— Это прекрасные машины,— сказал он,— но мы их отлично знаем. Они имеются и в нашем хозяйстве. Советский Союз присылает их нам.

Животноводческие фермы заинтересовали гостей значительно больше. Когда открылись двери скотного двора, коровы дружно повернули свои добродушные морды. На их прекрасных бедрах виднелись белые номера. Корова № 13, взволнованная присутствием посторонних, двинулась навстречу делегации. Но доярка строго закричала:

— Геть на место!

Корова послушно дала задний ход, растолкала подруг и покорно стала на свое место. Инцидент был исчерпан, гостям было отвечено на все вопросы, и вскоре появилась возможность приступить к седьмому пункту.

Таким шифром обозначалась столовая.

Сначала был подан суп. По сути дела, это был самый обыкновенный суп из баранины, и назывался он «тузлук по-чабански». Но то ли барашек был выбран со знанием дела, то ли приготовлен был с особым мастерством, то ли подан с таким радушием, во всяком случае, впечатление он произвел отличное, и многие гости просили добавки. За супом последовали другие блюда.

Так прошел этот день.

А еще через день я почувствовал, что вроде бы и пресытился достижениями. И даже стал озираться по сторонам: нет ли какого-нибудь недостатка?

Но в коровниках было чисто, по-

МОЕ ОБОЗРЕНИЕ: ГОДЫ И ФАКТЫ

КУЛАЦКАЯ СНОРОВКА

Рисунок Ю. ГАНФА
«Крокодил», ноябрь 1928 г.

Одного — убить.

Другого — купить.

Третьего — споить.

леводы успешно выполняли обязательства, и даже перед сельмагом по вечерам никто никого не держал за телогрейку, спрашивая:

— Ты мине уваж-жаешь? Чего я тебе такого изделал?

Тогда мне захотелось поговорить с кем-нибудь из старожилов. Старики, подумал я, смотрят на жизнь более объективно. Они с любовью вспоминают свои молодые годы и не склонны впадать в легковесный оптимизм.

Руководители колхоза нисколько не удивились такому желанию.

— Сейчас пошлем за старушкой,— сказали они.— Это Анастасия Григорьевна Конева, ей 74 года. Хотите познакомиться?

— Хочу,— ответил я, смущаясь.

В этот день в колхозе был праздник: отмечали двадцать три года со дня освобождения Чонгара от фашистских оккупантов. Симпатичные домики были украшены флагами, а у памятника павшим воинам намечалась школьная линейка.

Вошла Анастасия Григорьевна. На ней было яркое весенне-голубое пальто с большими пуговицами и на голове не какая-нибудь старушечья накидка, а светлый платок с веселыми цветочками.

Она села и сама, без каких-либо наводящих вопросов рассказала мне историю колхоза. Всех председателей, кто побывал здесь, помянула: кто получше, кто поплоше. А про нынешнего, Григория Андреевича, высказалась кратко: «Редкостный мужик».

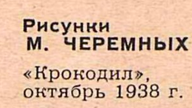
Анастасия Григорьевна спешила на школьную линейку, где она должна была выступать с речью. И то, что она не досказала в личной беседе, мы услышали там.

Линейка была очень торжественная. Пионеры выстроились у памятника, два мальчика держали венок.

Анастасия Григорьевна поднялась на пьедестал и произнесла речь. Закончила она ее словами:

— Дорогие детки! Для вас, детки, открылся новый рай. Двадцать три года назад фашисты стали собирать свои манатки и уезжать отселева. Вам дали новую, светлую, радостную жизню. Хай будет эта жизня до самого потопу!..

Теперь — о «редкостном мужике». О председателе «Грузии» Григории Андреевиче Легунове я слышал и от других колхозников. Еще в Москве я узнал, что он Герой Социалистического Труда, член Центрального Комитета КПУ, член президиума Верховного Совета Украины, имеет три ордена Ленина...

Но мне все казалось, что Анастасия Григорьевна в слово «редкостный» вкладывала какой-то особый смысл, который она от полноты чувств даже и не могла как следует растолковать.

Надо сказать, что при встречах Григорий Андреевич вроде бы и не производил особенного впечатления: немного лысоват, и глаза светлые, словно выцветшие. И так, наверное, я и остался бы при своих пиковых недоумениях, если бы не попал с Григорием Андреевичем на деревенскую свадьбу. Свадьба, надо сказать, была шикарная. Гостей человек сто, невеста в белой фате и белых перчатках, жених ей под стать, вина — море разливанное...

И когда между тостами выявилась маленькая передышка, мой сосед по столу, разнорабочий Николай Давыдович Моисеенко, вдруг сказал, что он недавно поставил у себя в доме ванну. Он просто так это сказал, от очень большого удовольствия.

И я, к этому времени значительно осмелев, поинтересовался у председателя, есть ли у него ванна.

— Нет,— сказал он,— пока не поставил.

— Чего ж так?

— Да ведь ванны пока не у всех колхозников есть. Придет время — и я себе заведу...

И вспомнил я, что с переездом в новый дом у Григория Андреевича была такая же история. Уже давно в колхозе шло большое строительство, уже многие колхозники въехали в новые дома, а председатель все жил в землянке. И неизвестно, сколько бы он там жил, если бы не приехал в колхоз секретарь обкома.

— Стал,— говорят колхозники,— нашего председателя срамить и велел перебираться в новый дом. Ну, а раз начальство говорит,— слухаться надо...

И тут я подумал, что мне здорово повезло. Что я наконец поймал ту тонкую психологическую причину, от которой произошли в конце концов и фонтан-тюльпан у входа в аллею и царственное великолепие в «комнате счастья».

Конечно, подумал я, животворная вода и несметные отары помогают крепить экономику колхоза. Но есть и еще один фактор: колхозники всегда видят, с кого брать пример.

А это, может быть, и есть самое важное.

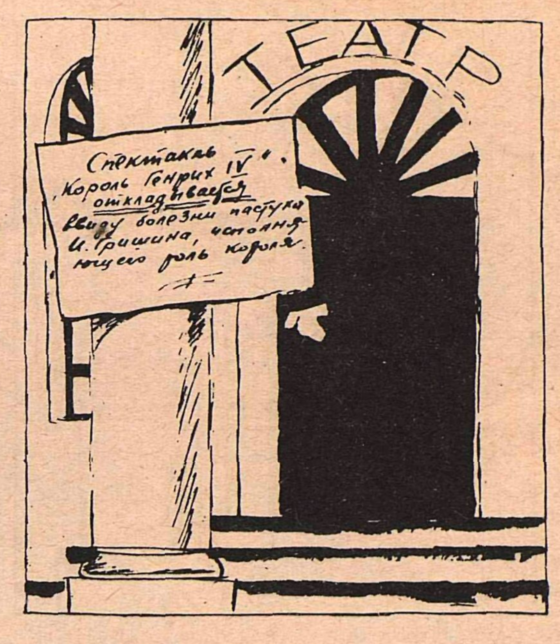
А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Полуостров Чонгар,
колхоз «Грузия».

Рисунки
М. ЧЕРЕМНЫХ

«Крокодил»,
октябрь 1938 г.

КОРОЛЬ
И ПАСТУХ

УСТАРЕВШАЯ ПОГОВОРКА

Знай, баба, церковь да хату, горшки да ухваты.

И в совете царить.

Остап ВИШНЯ

ЛУЧШЕ ЗЕМЛЯ, ЧЕМ КУПЧАЯ

Помещички наши за кордоном стали шевелиться.

Проели все, что отсюда вывезли, а теперь глаза их обращены на ту сторону, где Украина лежит, и видят они зеленые поля, хорошие экономии и много-много своих бывших батраков-поденщиков: косарей, вязальщиц, полольщиц, пахарей и пастухов.

Снятся им их бывшие сады, отличные кони, много сала, масла, меда и денег.

И, как утопленники за соломинку, они хватаются за последнее.

А может, мол, хоть что-нибудь да перепадет из бывшего добра.

Письма крестьянам пишут.

Хочется им знать, как ихние хутора, как поместья, что в них, как в них.

Никак не могут примириться с тем, что все это им уже не принадлежит.

Они еще купчие прячут, смотрят на эти купчие каждое утро и каждый вечер, молятся на эти купчие, ибо ничего для них на свете дороже не было и не будет, чем купчие.

И гвоздем в голове мысль сидит:

«А может? А может?»

Получил крестьянин Балковый Г. К. письмо от своего помещика, сбежавшего за границу, Бабулы.

Пишет пан Бабула:

«Забудем, что между нами было, мы уже это забыли, претензий к вам не имеем, а поскольку вы на нашей земле осели, мы предлагаем вам купить эту землю. У нас и купчая на руках, и напишите нам, как вы смотрите на такое наше предложение...»

Купчая, видите ли, у них на руках, значит, и хутор их.

Вот и надо им написать:

«Дорогой наш, незабвенный пан! Купчая у вас, а земля у нас. Вы себе сейте пшеницу на своей купчей крепости, а мы будем сеять на земле. На том и помиримся.

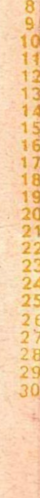
Целуем вас от высокого неба и до сырой земли... Будьте здоровы и не кашляйте.

С почтением».

И все.

Будут ли из купчей пироги или не будут, а из земельки — будут.

1927 г. «Радянське село».

— Милые мои дачники, наконец-то приехали! А я уж собрался на работу устраиваться...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Антони МАРИАНОВИЧ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Году в двухтысячном примерно,
Когда я буду очень старым,
Я приступлю, друзья, наверно,
К моим заветным мемуарам.
Всех, с кем имел я в жизни встречу,
Своим пером увековечу!

Встречался я на вернисаже
С Пикассо — славой наших лет,
Он подошел ко мне и даже
Спросил меня: «Где туалет?»
Я умиляюсь до сих пор,
Как вспомню этот разговор.

И с Рубинштейном я знаком:
Артур в толпе людей сначала
Автограф дал мне, а потом
Я свой ему послал из зала.
Мне не забыть до самой смерти
Ту переписку на концерте.

Подняться с кресла как-то в ложе
Мне предложили честь по чести.
Смотрю... передо мной — о боже! —
И Томас Манн и Генрих вместе!
Весь век свой буду вспоминать я,
Как деликатны в жизни братья!

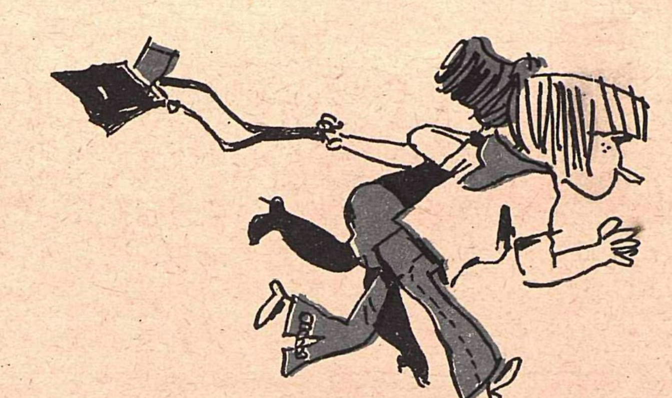
Сидел я рядом как-то раз
С Эдит Пиаф в кафе одном
И даже, помню, как сейчас,
На платье капнул ей вином!
Прелестный голосок Эдит
С тех пор в ушах моих звенит!

Я прожил жизнь свою недаром
И ничего не позабыл.
По этим славным мемуарам
Узнает каждый, кем я был!

Перевел с польского
Николай КНЯЗЕВ

С. ШАТРОВ

РАССКАЗ

КОРОЛЕВА «ШАНТЕКЛЭРА»

Они стояли подле шашлычной «Ереван», прислонившись к желтым трубам, ограждавшим тротуар, и обсуждали шансы нашей хоккейной сборной против «Тре Крунур». Изредка они лениво приставали к девчонкам, впрочем, без особых поползновений познакомиться, так как ждали Ваську Филимонова, чтобы распить дюжину «Жигулевского», которую он проспорил Кожухову.

Вася пришел с опозданием. Он был одет по большому пижонскому счету: замшевая рубаха, исполосованная молниями, брюки темно-бутылочного цвета, снизу расклешены, по бокам складки, а внутри пуговицы.

— Привет коллегам! — сказал Васька.

— Привет. Как дышишь? — отозвался Митька Кожухов.

— Нормально.

— Тогда побежали в бар?

— Я мимо,— сказал Филимонов.

— Это почему же? — спросил Ким Бузунов.

— Не могу, ребята. Свидание у меня.

— Девчонка обождет до завтра. Не сбежит.

— Не выйдет. Женюсь я,— неожиданно признался Филимонов.

Ким, сидевший на трубе, чуть было не свалился на мостовую под колеса «Запорожца».

— Дешевый розыгрыш! — сказал Митька.— Меня не купишь!

— Правда, ребята. Завтра идем с Катькой в загс.

Компанейские ребята переглянулись. Не то чтобы Катька Силуянова была бросовой девчонкой. «Нет, никто этого не скажет. Девчонка что надо! Но и Васька — парень, каких поискать: рост 185, окружность грудной клетки — 110, вес — 82,— тяжелый вес хоть для бокса, хоть для штанги, хоть для самбо.

— Вот это выдал! — сказал Митька, оправившись от шока.

— Выходит, с Васьки опять же причитается! — сказал Ким.

— За мной не пропадет,— бросил Филимонов и побежал на свидание.

Васька не обманул друзей. На следующий день он отпросился пораньше с работы и пошел к кино «Форум», чтобы встретить невесту и оттуда отправиться в загс. Он стал под трехметровым портретом королевы «Шантеклэра». На королеве было лиловое платье в блестках, и руки ее были простерты в любовной мольбе.

Катька опоздала самую малость. Она тоже замечательно выглядела: платье в обтяжку, черные ажурные чулки, паричок вместо косынки, и ресницы загнуты сантиметра так на полтора. Когда они поздоровались, Филимонова толкнул какой-то тип в зеленом пиджаке и шляпе, надвинутой на глаза.

— А ведь можно и схлопотать! — агрессивно начал Васька.

— Есть два на шестичасовой,— конфиденциально сообщил тип.

— Притормози,— смягчился Васька.

И он и Катя давно мечтали увидеть королеву, но не могли достать билеты.

— Шесть желтеньких,— сказал тип.

Васька небрежно сунул ему две трешки. В такси Катя, прижимаясь к Васе, сказала, что она девчонка экономная и в будущем не позволит давать две трешки за билеты, цена которым рубль.

— Плевать! — сказал Васька.— Шесть рублей — это шесть дырок!

И он объяснил, что ему на работе приходится иметь дело с новоселами, которые дуреют от счастья и денежек не считают, лишь бы поскорее въехать в новую квартиру. Каждому надо спешно навесить карнизы, а стены сплошь каменные, сверху и того хуже — железобетонные балки, их шлямбуром не возьмешь, только электродрелью с победитовым сверлом. Вот он и берет по рублю за дырку, и дамочки еще в ноги кланяются. Он выгоняет в месяц рублей по триста, можно и больше, если выложиться...

Они проехали мимо кинотеатра «Уран» и опять увидели королеву. Она стояла боком, но уже в другом платье, с неестественно высокой грудью, которую художник нарисовал параллельно небу.

— А мы успеем в кино? — забеспокоилась Катя.

— Обернемся. Такси подождет. В крайнем случае намотает еще на две дырки.

В просторной комнате загса было полным-полно женихов и невест, примерно 1947—1948 годов рождения, но попадались и пожилые. Васька и Катя сели между пенсионерами.

Загс был модерновый, вся комната заставлена румынской мебелью, только старикан-регистратор в застиранной голубой рубахе с галстуком, завязанным толстым узлом, не был модерновый. Регистратор не спеша беседовал с уходящими из холостяцкой жизни клиентами.

— Горим, Кать! — шепнул Васька.— Копается старик!

— А может, успеем?

— Производительность не та! — сказал Васька.

Они посидели минут двадцать, пока в дверях не показался таксист. Он стал на пороге и демонстративно завертел ключом от зажигания. Навстречу ему поднялся Васька.

— Долго еще загорать? — спросил таксист.

— Как прибудем, так и будем,— ответил Васька.— Тебе что, счетчик мотает!

— «Колеса вертятся, таксист кормится»,— тихо пропел шофер строку из неизвестной Васе песни.

— Прокормим,— сказал Вася.— Я не жмот.

— Посмотрим,— сказал таксист, уходя.

Старик долго беседовал с каждой парой, интересовался, одобряют ли родители брак, смотрел паспорта, давал советы и принимал заявления.

Вася не выдержал, пошел к регистратору.

— Извиняюсь, папаша,— сказал он,— нельзя вам подкинуть человечка?

— Это как понимать? — удивился старик.

— На подмогу. У вас же образовалась форменная пробка!

— Я попросил бы без указаний,— сварливо отозвался старик.

— У нас в «Гастрономе» во время «пик» всегда подбрасывают лишнего продавца.

— Здесь не «Гастроном». Здесь запись актов гражданского состояния! — сказал старикан с торжественной назидательностью.— И никакого «пика» быть не может!

Васька вернулся на диванчик.

— Ну как? — спросила Катя.

— Дуб! — ответил Вася и с досадой постучал пальцем о спинку стула.

Катя незаметно погладила руку Филимонова, чтобы он не заводился с пол-оборота.

Они посидели еще минут пятнадцать, и за это время в дверях дважды возникал таксист. Наконец их вызвали. Дотошный старикан начал не спеша расспрашивать, давно ли знакомы, достаточно ли серьезно продумали свое решение и знают ли об их намерении родители. Старик вытягивал из себя вопросы, как фокусник бесконечную ленту.

Потом Филимонов отыскал место за длинным столом и быстро накатал заявление. Регистратор беседовал уже с пенсионерами. Васька деликатно протянул бумагу через их головы.

— Видите, я занят! — недовольно сказал регистратор.

— Спешим мы! — взмолился Вася.— Честное слово. Опаздываем на шестичасовой!

— Поезд?

— Сеанс!

— «Королева «Шантеклэра» идет,— с милой улыбкой объяснила Катя.— С рук билеты купили!

— Вы слышите? — сказал регистратор пенсионерам.— Уму непостижимо!

— Типичное явление,— сказал пенсионер.— Нигилистическое отношение к ритуалу бракосочетания.

— Поймите,— сказал Филимонову старикан-регистратор,— сейчас совершается нечто самое важное в вашей жизни, нечто такое, о чем вы будете помнить до самой старости.

— Вы находитесь в самой высшей точке, так сказать, в апогее своей холостяцкой орбиты,— сказал пенсионер.— В эти минуты с такой неповторимой высоты надо обозревать прошлое и думать о будущем.

— Что вы ко мне пристали! — разозлился Филимонов.— Думайте о будущем со своей молодой невестой.

— Дорогой мой,— сказал пенсионер.— Она не невеста. Мы женаты тридцать три года. Мы сегодня лишь официально оформляем свой фактический брак.

— Так берете или не берете?! — переспросил Васька.

— Они ничего не поняли,— сказал регистратор.

— Это вы ничего не поняли,— сказала Катя.— Нас же таксист ждет!

...На экране уже шли титры об актерах, продюсере, когда Катя и Вася, согнувшись в три погибели, поспешали за билетершей, освещавшей карманным фонариком путь к королеве. Спустя полчаса они начисто забыли о неприятном разговоре в загсе. Катя завороженно смотрела на экран. Такой роскошной королевы она давно не видела,— всем королевам королева, и платья у нее королевские, одно лучше другого. С ума сойти, какие платья! Катя обязательно сошьет одно такое, только запомнить фасончик: сверху затянуто, спина голая, в бедрах сильно обужено и в шаге сантиметров сорок, не больше... В таком платье можно любить красиво... И Васька в это время думал, что королева — дама-люкс, хоть ставь на нее штамп ОТК — «первый сорт». На что Катька — отличная девчонка, но ей еще шагать и шагать до королевы. Он положил по привычке руку на Катино колено, но она сбросила ее. Васька не обиделся и начал думать о красавце испанце: на шее у него цепочка, а на цепочке не то крест, не то медальон. Крест Ваське, понятно, ни к чему, а вот цепочку он повесит; рубаха расстегнута и под ней цепочка — высший класс!

Катя вышла из кино зареванная. Жаль было королеву, которая из-за несчастной любви едва не кинулась в бурные волны неизвестного моря. Вытирая слезы, она попросила Васю позвонить ей в бойлерную, чтобы договориться, когда они снова толкнутся в загс.

Васька позвонил через день. Катя сказала, что сегодня не может. Знакомая продавщица из «Весны» отложила для нее материальчик почти такой, какой был у королевы, когда она пела в «Шантеклэре». Материальчик надо обязательно выкупить до закрытия универмага.

Ваське, чтобы убить вечер, пришлось пойти в «Ереван». Но по дороге его перехватила штукатур Маргарита, свойская девчонка из СМУ-68. На ней было вечернее платье и в походке тоже что-то шантеклэровское. Они прошли по Балтийской, а потом заглянули в кафе «Лотос», где весь вечер протанцевали «летку-енку».

Всю неделю Филимонову как-то не удавалось дозвониться до невесты: на работе была жуткая запарка — дом сдавали раньше срока, пришлось вкалывать сверхурочно. Катя была занята новым платьем, которое потянуло за собой по совету Наташи из «Вечерки» целый ансамбль: сумочку, туфли, не говоря уже о бижутерии. Так что, когда Силуяновой шепнули, что ее Филимонов чуть ли не каждый вечер пляшет в кафе «летку-енку», она не стала портить слезами новые ресницы.

...Они стояли подле шашлычной «Ереван», прислонившись к желтым трубам, ограждавшим тротуар.

— Привет коллегам! — сказал, подходя, Вася.

— Как дышишь? — спросил Ким Бузунов.

— Нормально.

— А должок?

— За мной не пропадает!

Они зашли в «Ереван», и Филимонов заказал каждому по порции лобио, люля-кебаб и, понятно, по 100 граммов, не считая пива.

— Это порядок! — сказал Митька Кожухов.— Видать, жена еще не прибрала к рукам кассу.

— А я не женат! — сказал Вася.

— Тоже неплохо,— сказал Митька.— Как же это получилось? И кто, как пишут газеты, в этом виноват?

— Королева «Шантеклэра»,— ответил Васька.

КАК Я ПРОВЕЛА ДВА ВЫХОДНЫХ ДНЯ

День первый: получала в прачечной белье.

День второй: белье перестирывала.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ВИЛЫ В БОК!

И ЗАБОР НЕ НУЖЕН

Если бы не крайняя застенчивость дирекции, кировоградский завод «Красная звезда» прогремел бы на всю область. На заводе разработан и смело внедряется новый способ хранения готовой продукции.

После покраски и проверки ОТК сельхозмашины не разбрасывают где попало. Их осторожненько сваливают вдоль забора. Получается солидная стена из машин, за которой едва виднеются заводские трубы.

Мы не удивимся, если директор завода т. Курзов ликвидирует всю заводскую охрану. В самом деле, зачем зря тратить деньги на сторожей? Ведь через эти нагромождения ни один злоумышленник не проберется.

Н. ЧЕРКАЕВ

г. Кировоград.

ВОТ ЭТО НОМЕР!..

В Киевской судоходной инспекции мечтали о рационализации.

— Может, светофор поставим, где Ирпень в Днепр впадает? — предложил кто-то.

— Мелко! — возразили другие.

— Или самодеятельность организуем? По всему Днепру с концертами ездить, номера показывать...

— Номера?! Именно то, что нам надо! Давайте-ка заменим лодочные номера. Старые, написанные масляной краской на скуловой части лодок, морально устарели.

Над проектом работала вся инспекция.

Номер выдавливается на стальных пластинах размером 30 × 50 см. Вес каждого новорожденного — три с половиной килограмма.

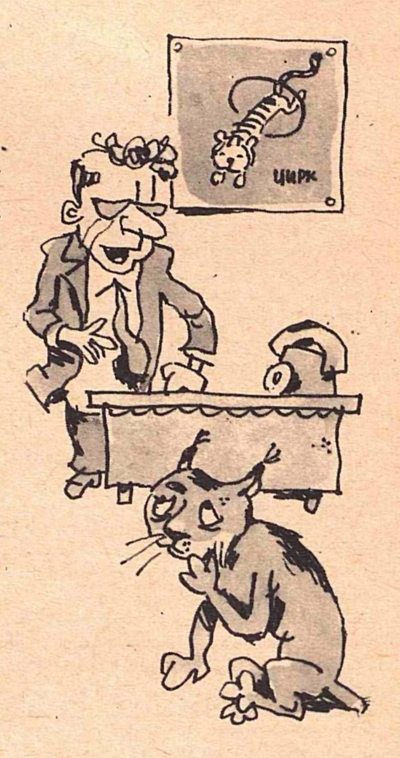
Но капитаны маломерного флота наотрез отказались вешать тяжеленные номера на носы своих утлых дюралевых лодок.

— Ничего, заставим, — бодрятся в судоходной инспекции, — ведь надо как-то реализовать 28 тысяч уже изготовленных номеров. Три рубля за номер — сумма!..

Е. БЕЛЬЧЕНКО, В. ЗАНАН

М. ЗАХАРОВ

Я, ИНСПЕКТОР МАНЕЖА, УКРОТИТЕЛЬ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЫСЬ

Мой первый день в новой должности ознаменовался неожиданным происшествием.

— Василий Васильевич! — воскликнул бледный инспектор манежа, вбегая без стука в мой кабинет. — Рысь тигрицу куснула! Прямо на манеже, при зрителях!

— В каком смысле? — заинтересовался я.

— В самом непосредственном! Прямо за загривок. Пришлось дать струю из брандспойта. Укротитель оба хлыста об рысь поломал, и никакого эффекта.

— Понятно, — сказал я, отложив текущие дела. — Пригласите.

— Укротителя? — не понял меня инспектор.

— А при чем здесь укротитель? — сказал я задумчиво. — Разве он кусал?

— Не понимаю, кого же вам пригласить? — изумился инспектор.

— Кто кусал, того и пригласите.

Потрясенный инспектор выскочил из кабинета и вскоре вернулся в сопровождении двух униформистов, которые вели на поводке здоровенную рысь с наглой физиономией. Бледный укротитель подтащил сзади пожарный шланг и перезарядил оба пистолета.

— Находится в невменяемом состоянии, — объявил он мне дрожащим голосом. — Бросается на людей, как все равно на кроликов.

— Понятно. С этим я уже сталкивался на прежней работе, — успокоил я собравшихся. — Всех лишних попрошу выйти из кабинета.

— Как? — прошептал укротитель, вздрогнув. — Мне, тоже?

— Ну вот, опять двадцать пять! — вздохнул я с раздражением и медленно прищурился. — Последний раз спрашиваю: кто из вас кусал тигрицу?

— Она! — дружно сказали все, указав на рысь.

— Вот и оставьте нас с ней с глазу на глаз. Вернее, с зуба на зуб.

После этих слов наглая физиономия у рыси заметно вытянулась, и она даже слегка попятилась к выходу.

Но было поздно. Бледный укротитель, вылетая из кабинета, стремительно захлопнул перед ней дверь, даже слегка защемив при этом рысий хвост.

— С хвостами надо поаккуратнее! — сказал я ему вслед, желая соблюсти объективность. — Хвосты, они тоже на улице не валяются. Правильно?

Несмотря на это заявление, рысь почему-то ощерилась на меня и вызывающе приблизилась к столу.

Некоторое время мы молча изучали друг друга. Наконец я решил начать беседу.

— Мне думается, ты неправильно себя повела, — сказал я ей по-хорошему, как бы раздумывая. — Наша, понимаешь ли, дальневосточная рысь укусила своего же уссурийского товарища. Разве так можно?

После этого мы оба озабоченно помолчали.

— Ладно бы ты ее цапнула, — сказал я через некоторое время как можно задушевнее, — в этой... в нерабочей обстановке. Но на манеже, при всех... Некрасиво! А что зрители подумают? На чем они у тебя воспитываться будут? На каких примерах? Хочешь, чтобы в антракте или, хуже того, придя домой, они друг дружку перекусали? Да? Этого ты добиваешься? Стыдись!

Весь первый час нашей беседы я посвятил именно этой сложной проблеме взаимоотношений. В начале второго часа я коснулся напряженной международной обстановки, после чего, как бы невзначай, остановился на еще имеющихся отдельных недостатках с последующим перечислением всех имеющихся достоинств. В четвертом часу я заговорил исключительно на узкосемейные темы. Затем на общечеловеческие. На исходе шестого часа я открыл дверь в коридор и спокойно обратился к укротителю:

— Заберите кыску!

Укротитель заглянул в дверь и, не поверив своим глазам, два раза ущипнул себя за нос.

— Как вам это удалось? — воскликнул он в крайнем изумлении.

— Удалось, — подтвердил я. — И не таким зубы заговаривали!

Ракушка

В ленинградской школе № 150 мичману в отставке Н. П. Ядрову подарили три розы.

Во Дворце культуры имени Горького Н. П. Ядрову преподнесли букет белых астр.

В поселке Тайцы Н. П. Ядрова наградили грамотой.

А в городе Туапсе Н. П. Ядрову вручили три значка-сувенира.

После чего Н. П. Ядров, украшенный значками, выступил по сочинскому телевидению с трансляцией на Москву.

На этом триумфальный марш-вояж Николая Павловича не закончился. Окунувшись напоследок в ласковых водах Черного моря, он самолично прибыл в Москву и выступил в конференц-зале Министерства путей сообщения на встрече с журналистами.

Встреча оказалась в высшей степени плодотворной: статьи Н. П. Ядрова, снабженные его портретами, заполонили центральную и местную прессу, число значков и букетов достигло астрономической цифры, а имя Ядрова проникло в историческую, публицистическую, мемуарную и даже художественную литературу.

Когда бывший мичман понял, что он ценен не только для современников, но и для потомков, он отнес свою тельняшку и бескозырку в музей.

Мы слушали выступления Н. П. Ядрова по радио, мы осмотрели его мемориальную тельняшку и прочитали его статьи в газетах. Обаяние живого рассказа очевидца исторических событий покорило нас. Правда, смущали детали. Они, эти детали, вызывали нездоровое недоумение, и нам захотелось их проверить. Хотя бы во имя уточнения.

Потомки нас поймут. Потомкам будет импонировать наша придирчивость, когда речь идет об исторических фактах. Вот почему мы бросили ретроспективный взгляд в глубь времен и изучили события обозримой давности.

Выяснилось, что события не совсем соответствуют тому, о чем говорит и пишет Н. П. Ядров.

Ну, скажем, такая деталь в описании штурма Зимнего дворца:

«Мы рванулись на Дворцовую площадь, но путь закрыл белогвардейский броневик — он строчил из пулемета. Матрос гвардейского экипажа Митин подбежал к броневику, бросил связку гранат и взорвал его, но и сам погиб от вражеской пули» («Красная звезда», 6 ноября 1965 года).

Тут что-то не так. По документам, хранящимся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, матрос 1-й роты гвардейского экипажа П. А. Митин отбыл из Петрограда на эсминце «Войсковой» за восемь дней до штурма Зимнего. Скорее к Ядрову! Он рассеет наши сомнения. Он ответит на недоуменные вопросы. Он — очевидец.

— Простите, Николай Павлович,— уточняем мы,— упомянутый вами матрос Митин в день взятия Зимнего находился в Действующем флоте где-то на пути к Гельсингфорсу. Согласитесь, не мог он швырять гранаты со столь далекого расстояния.

— Не может быть! Это точно?

— Куда уж точнее. Данные архива — фонд 935, опись 1, дело 3566, лист 327.

— Скажи, пожалуйста! Ай-яй-яй!.. Вообще-то мне об этой неточности прошлым летом один товарищ из музея говорил. Да-да, припоминаю... И я, помнится, тогда перестроился. Я стал писать иначе. Вот:

«На Дворцовой площади увидели белогвардейский броневик, который строчил из пулемета. Матрос нашего отряда рванулся вперед и бросил связку гранат под колеса. Пулемет на броневике умолк. Но и герой-матрос погиб от вражеской пули». («Московская правда», 1 ноября 1966 года).

— Разумеется, Николай Павлович, ваша перестройка несколько меняет дело. Но вот беда: даже безымянный матрос не мог бросать связку гранат под колеса белогвардейского броневика. По трем причинам: во-первых, термин «белогвардейский» возник гораздо позднее, весной 1918 года; во-вторых, связки гранат стали применяться только в годы Великой Отечественной войны; в-третьих, никакого броневика в тот исторический вечер на Дворцовой площади не было.

— *Как не было? Совсем?*

— Совсем. Архивные документы свидетельствуют.

— *А как же подвиг матроса?*

— Было много других подвигов, но данного конкретного подвига не было. История не предусмотрела.

— *Но я же своими глазами...*

— Припомните, Николай Павлович, своими ли?

— *То есть, конечно, не совсем своими.* Мне этот эпизод Каськов рассказал. Я-то вообще Митина не знал, броневика не видел, но не мог же *я не верить Каськову, моему другу-матросу...*

— И ваш друг Каськов может этот факт подтвердить?

— *Видите ли, он года два назад помер...*

Н. П. Ядров замолкает, а мы размышляем по поводу феномена человеческой памяти. Какая *все-таки удивительная штука — память!* Говорят, Александр Македонский знал в лицо и поименно каждого из нескольких десятков тысяч своих солдат. Но даже Александр Македонский не вспомнил бы то, чего не видел и о чем не знал. А Николай Павлович Ядров вспоминает. Николай Павлович *рассказывает, как он участвовал в штурме Зимнего дворца...*

— Бежим мы, понимаете, из Александровского садика...

— Кто бежит, Николай Павлович?

— Наша команда.

— Но команда писарей и музыкантов, в которой вы служили, не участвовала в штурме Зимнего!

— Не может быть! Это точно?

— Абсолютно. Фонд 935, опись 1, дело 2862, лист 687. Не верите — почитайте сами.

— Гм... А вы знаете, я участвовал один. Сбежал из команды, взял винтовку и пристроился к тем, кто штурмовал.

— Не могли вы взять винтовку, Николай Павлович. Все оружие «во избежание несчастных случаев» хранилось на квартире фельдфебеля. Ознакомьтесь, пожалуйста, с документами: фонд 935, опись 1, дело 2518, листы 4 и 4-оборот, а также дело 2862.

— Так что же, выходит, я не штурмовал Зимний?

— Выходит, не штурмовали. Кстати, вы об этом лет тридцать назад собственноручно засвидетельствовали в своей автобиографии. Припоминаете такой факт? А после 1960 года ваша точка зрения на это обстоятельство почему-то резко изменилась...

Очень странным было это интервью. Николай Павлович Ядров показывал нам газеты и книги, где описывались его вымышленные подвиги, а мы опровергали эти описания с помощью подлинных документов. К примеру, Ядров рассказывал, как его, четырнадцатилетнего юнгу гвардейского экипажа, по приказу начальства дважды секли розгами перед строем за вольнодумство. А мы предъявляли выписку из журнала взысканий, где сказано, что юнга писарской команды Н. П. Ядров никаким наказаниям не подвергался. Напротив, юнга Ядров награждался весьма почетными наградами, среди которых серебряная медаль «За усердие» на станиславской ленте, *пожалованная* Ядрову «за отлично-усердную и особо-ревностную службу».

Николай Павлович толковал о своих боевых *заслугах* в годы гражданской войны, а мы ссылались на документы, в которых указано, что Н. П. Ядров в те годы был писарем и баталером, *писал* бумажки и выдавал продовольствие. Об успехах его на этом поприще можно судить по одному из пунктов приказа № 45 по Военному *отделу*. Этим приказом моряк 1-го морского берегового отряда Николай Ядров был отстранен от должности помощника заведующего продовольствием *при* Военном отделе, исключен из списков отряда и 16 февраля 1919 года препровожден в Бюро учета и найма моряков Балтийского флота...

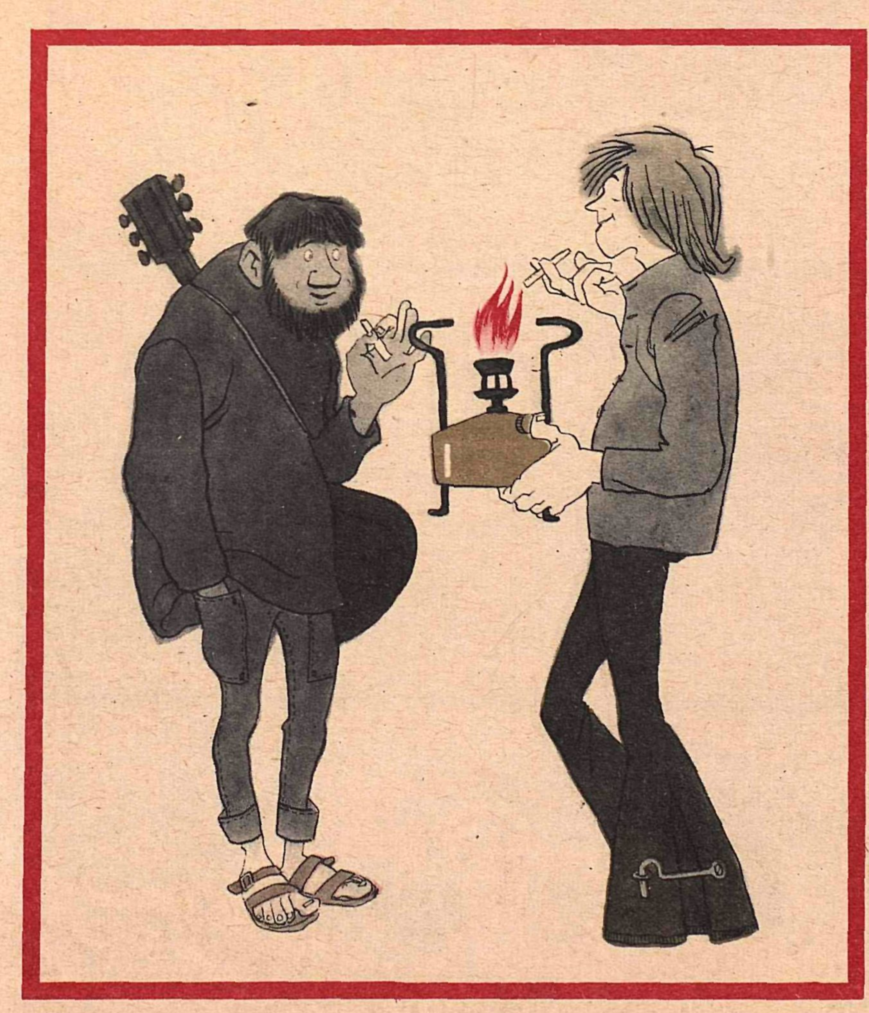
В великом фильме Истории есть свои герои и свои статисты. Поскольку роли распределяет сама матушка История, статистам нет смысла обижаться. Хорошо, если за головами героев они успели хоть что-нибудь рассмотреть.

Но вот *проходят годы — и статисты садятся* за мемуары. В деталях недостатка нет — что-то видано, что-то слышано, что-то извлечено из литературных источников, что-то подсмотрено в музеях. И тогда возникают доморощенные интерпретации исторических событий.

Статисты *обязательно хотят быть героями.* Ракушки липнут к кораблю. А доверчивые люди принимают липовых сыновей лейтенанта Шмидта за подлинных.

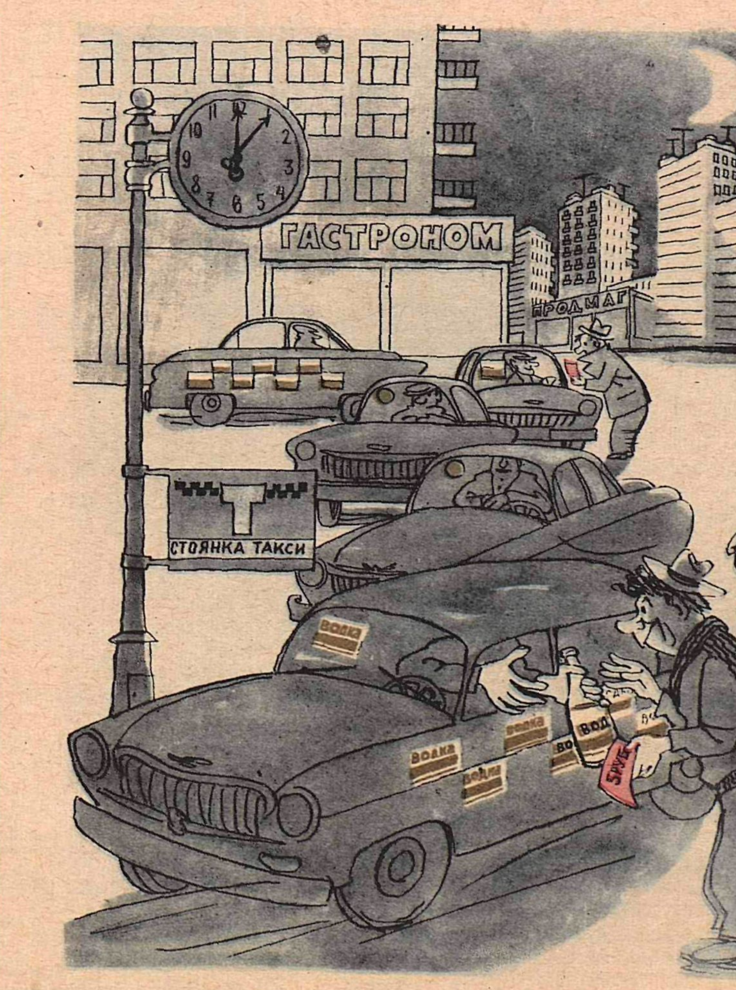
Ю. БОРИН, Л. ЕРУХИМОВИЧ

Ленинград.

— Модерновая зажигалочка!
— Еще бы! У иностранца купил...

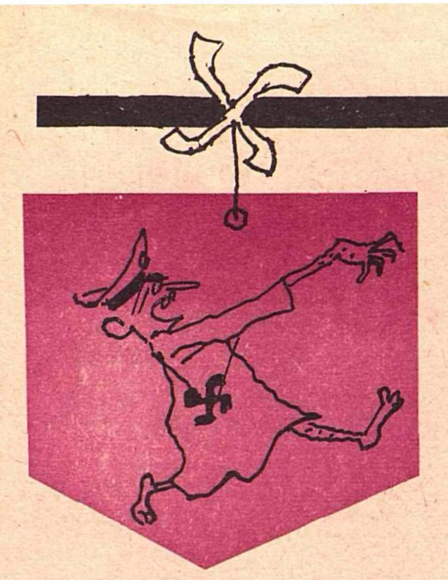
Рисунок Е. ГУРОВА

НОЧНАЯ АВТОПОИЛКА

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

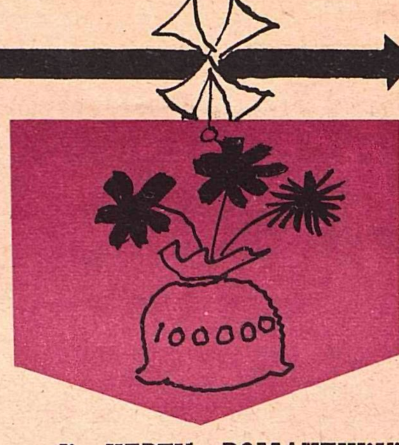

ВСЕХ-ВСЕХ-ВСЕХ...

Еженедельник западногерманских реваншистов «Фольксботе» объявил недавно: «Кроме Судетской области, мы хотим возвратить христианскому Западу всю Богемию, всю Моравию, всю Венгрию, всю Польшу, всех хорватов и словенцев».

Послушайте, вы, «Фольксботе»! Откуда вдруг такая умеренность в аппетитах? А почему бы не вернуть христианскому Западу заодно и Красноярский край? Бредить так бредить!

К ЧЕРТУ РОМАНТИКУ!

Вот что сказал в интервью с корреспондентом журнала «Штерн» директор одного электротехнического завода на юге ФРГ: «Женщины не могут серьезно требовать, чтобы мы ввели у себя на предприятии так называемое равноправие. Женщина устроена по-другому, поэтому ей и платят хуже, чем мужчине. Так было, так есть, так и останется».

Слова господина директора не расходятся с делом. Четыре тысячи женщин и девушек, работающих под его началом, приносят домой лишь две трети того заработка, который за ту же работу получают их коллеги-мужчины. Большинство западногерманских работодателей считает такой порядок вещей почти божественным. «Равная плата,— говорят они,— это никому не нужная романтика».

Феликс-весельчак

До недавнего времени нам были известны о герре Феликсе фон Эккардте лишь скупые служебные данные. Мы знали, что он врио шефа федеральной печати, «уполномоченный» Федеральной республики в Западном Берлине и, наконец, депутат от ХДС в бундестаге. Душа, нрав и характер Феликса фон Эккардта оставались для нас сокрытыми во мраке.

Но вот наконец-то мы кое-что узнали: газета «Вельт ам зоннтаг» поведала миру, что Феликс Эккардт—большой весельчак. После 1933 года ему, оказывается, «приходили на ум очень веселые вещи,— сообщает газета.— Он сочинял для кино весьма занимательные сценарии, и фильмы его пользовались таким успехом, что он смог приобрести небольшое имение в Мекленбурге».

Одна из этих веселых вещиц называлась «Выше голову, Иоганн». В ней была такая, например, уморительная реплика: «Наступило новое время, наше время. Каждый должен быть готов к защите фюрера и империи».

В 1941 году вышел на экраны фильм «Люди в бурю», где Эккардт прославлял нападение на Югославию. С присущим ему остроумием он вложил в уста одного из героев слова: «Сербы ведь не люди. Это собаки!»

До конца войны Эккардт написал около 25 таких же веселеньких сценариев.

Ныне бывший гитлеровский сценарист превратился в одного из самых красноречивых ораторов партии христианских демократов. Особенно удаются веселому Феликсу речи, где он отстаивает право ФРГ на атомную бомбу.

Ох, уж эти весельчаки! Не раз доводили они Германию до кровавых слез...

ФРАУ С ПЕРЦЕМ

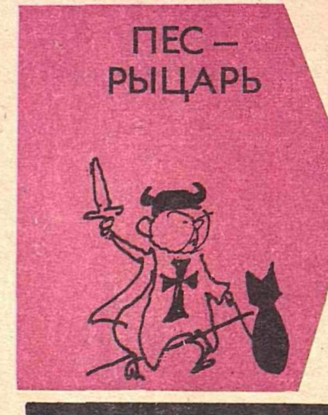
Отныне западногерманские фрау будут носить в кулаке зажатую, как гранату, перечницу. Так им рекомендует поступать западногерманский женский журнал «Констанца». И далее журнал советует модным дамам: «Откажитесь от тесно облегающих свитеров. Носите простые головные платки, вроде тех, что повязывают старушки — сборщицы клюквы. Подобная маскировка весьма помогает».

Маскировка от кого и от чего? «Ежегодно в Западной Германии совершается 62 тысячи сексуальных преступлений,— разъясняет «Констанца».— Полиция уже много лет не может совладать с растущим числом насильников — солдат оккупационных войск».

Доброжелательная «Констанца» подбрасывает еще парочку ценных советов: «Если вечером вы идете из дому одна, то не надевайте туфли на высоких каблуках. На низких каблуках вам будет легче удрать. В случае серьезной опасности постарайтесь засыпать перцем глаза насильника».

Это хотя и трогательно, но не очень-то, как видно, надежно. Уж лучше боннским фрау напялить сапоги, накинуть шинель и нацепить противогаз. В этаком виде да еще с огнетушителем под мышкой они, может быть, и почувствуют себя в некоторой безопасности от приставаний натовских кавалеров.

ПЕС — РЫЦАРЬ

Бывший военный министр, а ныне министр финансов ФРГ Франц Иозеф Штраус тоскует о собственном родовом гербе. Сын мясника, он в детстве учился разрубать воловьи туши. Но в глубине души, видимо, всегда мечтал о мясорубке более крупного масштаба. В более зрелом возрасте Франц Иозеф воевал на Восточном фронте, участвуя в гитлеровском «дранг нах Остен».

Особыми подвигами он здесь не прославился, если не считать подвигом отморожение ног во время великого уже не «дранга», а драпа и не «нах Остен», а «нах Вестен».

Отмороженные конечности произвели на Штрауса такое впечатление, что он вскоре после войны воскликнул: «Пусть отсохнут руки у того, кто снова возьмется за оружие!»

Это не помешало ему немного спустя стать военным министром ФРГ и протянуть неотсохшую десницу к оружию, в том числе атомному. Одновременно он тянул свою длань за взятками от поставщиков оружия бундесверу. Из всего вышесказанного уже ясны очертания герба Штрауса: воловья туша, загребущая рука и атомная бомба. Все это на кроваво-коричневом фоне.

Согласитесь, выглядит такой щит не очень эстетично. И поэтому герр Штраус нашел другой способ для удовлетворения своего тщеславия.

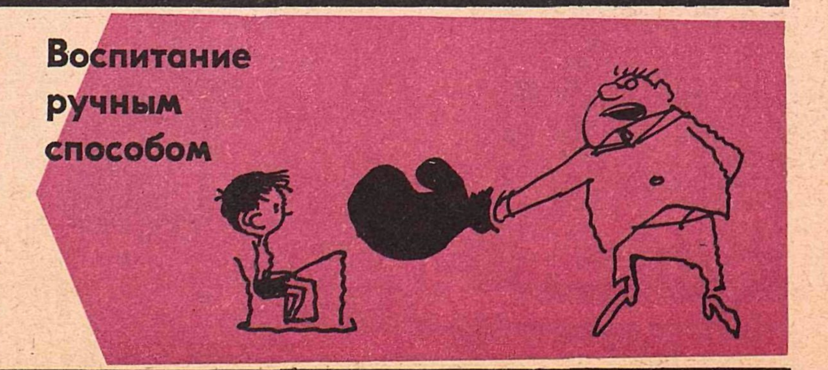
Недавно Штрауса посвятили в рыцари Немецкого ордена. Такой, представьте себе, существует в ФРГ и является наследником Тевтонского ордена. Того самого, который безуспешно пытался покорить славянские народы, предавая огню и мечу их земли. Кавалеров этого ордена Маркс метко назвал «псами-рыцарями».

И вот в орден псов-рыцарей вступил Франц Иозеф, который может теперь к упомянутым элементам своего герба добавить еще псиную голову и плащ крестоносца.

Но, видимо, побаиваясь дать неисчерпаемую тему для карикатуристов и фельетонистов, Штраус настоял, чтобы торжественное посвящение его в псы-рыцари состоялось при закрытых дверях и без — упаси боже! — представителей прессы.

И вот в городе Регенсбурге сын мясника преклонил колени и склонил голову перед католическим епископом, торжественно вручившим новоявленному крестоносцу рыцарские атрибуты, включая белый плащ с черным крестом.

Воспитание ручным способом

Класс пел «Аллилуйя», а священник Иосиф Мильц аккомпанировал, нанося ритмичные удары палкой по голове 10-летнего ученика Ганса Дитера Фенгауса. Ганс Дитер провинился — недостаточно быстро нашел в молитвеннике нужное место и вот теперь был вынужден выступить в незавидной роли барабана. Наконец палка сломалась, и ребенка с сотрясением мозга отправили в больницу.

Возмущенные родители подали жалобу прокурору. Выяснилось, что Мильц, почтенный пастырь из города Эркенрура, уже в течение 13 лет воспитывает детей ручным способом.

Единичный случай? Ничуть. Согласно статистическим данным, в Баварии 80 процентов учеников подвергаются телесным наказаниям. Например, на личном боевом счету старшего учителя Вильгельма Штробля из Тирхауптена 31 телесное повреждение, нанесенное им ребятишкам. У Штробля богатейший арсенал садистских «воспитательных» приемов — от примитивных пощечин и пинков до боксерских ударов.

Ну, а власти? У властей есть соответствующая педагогическая установка. К примеру, председатель «Земельного союза попечения о народном здравии» д-р Бунеманн четко изложил официальный принцип: «Точно дозированные побои в школе заслуживают одобрения».

ПРИШВАРТОВАЛСЯ.

Рисунок А. КРЫЛОВА

БРЕХНЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Как выяснилось, генеральный штаб греческой армии, когда он не занят своей основной работой — подготовкой к государственным переворотам, корпит над выпуском карманных календарей для нижних чинов. На каждый день, естественно, страничка с числом. А на верху каждой такой странички — изречение или поучение. Итого 365 генштабистских сентенций. А все вместе взятые они являются эдаким моральным кодексом для солдат греческой королевской армии.

Хотя календарь был издан еще до недавнего военного переворота, он тоже сыграл свою маленькую, но вполне подленькую роль в подготовке давно задуманного путча.

Познакомимся же с содержанием этого духовного путеводителя для эллинской армии.

Изречение № 1: «Греция входит в НАТО для того, чтобы защитить свою свободу от угрозы с севера — коммунизма».

Следовательно, греческие генералы, беззастенчиво растоптавшие демократию, являются «защитниками свободы». Ясно. Листаем дальше.

Вот чуть ли не философское обоснование генеральского антикоммунизма: «Коммунизм — это не политическая идея и не общественная формация, а материя, атеизм, который унижает человеческую честь».

Следовательно, военно-фашистская хунта — вот это идея, а концлагерь на острове Юра — это место, где генералы возвеличивают честь греческой нации. Теперь понятно.

И далее: «Коммунизм — это пустыня, катастрофа, развалины».

Добро бы все это было написано на первоапрельском листке календаря... Разве только что насчет распределения женщин по карточкам забыли упомянуть. Какое досадное упущение!

Мы не считаем, что «все врут календари». Но этот лжет без стыда и совести.

С. Г.

ЛУЧШИЙ СПОСОБ

18 месяцев проработала назначенная президентом Джонсоном Комиссия по обеспечению соблюдения закона и осуществлению правосудия. В конце концов 19 взопревших членов Комиссии пришли к выводу, что подлинная картина массовой преступности в США не поддается никакому описанию и уразумению.

Тем не менее Комиссия выдала на-гора 300-страничный доклад, из которого с убийственной четкостью явствует, что преступность год за годом растет с головокружительной скоростью.

Что же делать? Никто не знает. Впрочем, журнал «Тайм» выдвинул целых четыре рецепта полной и бесповоротной ликвидации преступности в США. Слово «Тайму»:

«Настолько потрясающи сообщения Комиссии,— пишет журнал,— что единственным удовлетворительным решением могут показаться следующие требования:

1) снести все крупные города, которые плодят убийц и грабителей;

2) подвергнуть строгой изоляции всех подростков в возрасте 15—16 лет, являющихся самой необузданной группой населения в стране;

3) уничтожить все автомобили: во-первых, потому, что их воруют по полмиллиона в год, а во-вторых, потому, что автомобиль — существенное орудие почти в каждой «шалости», от ограбления банка до контрабанды;

4) запретить большой бизнес, который поощряет людей пускаться во всевозможные противозаконные финансовые махинации. К тому же большой бизнес предоставляет гангстерам привлекательные возможности для вложений их доходов».

Так пишет «Тайм», а нам кажется, что вполне хватило бы осуществления последней рекомендации: ликвидировать «большой бизнес», или, проще говоря, капитализм. Тогда не было бы нужды сравнивать с землей города, резать автогеном автомобили и сажать под замок всю американскую молодежь.

Т. П.

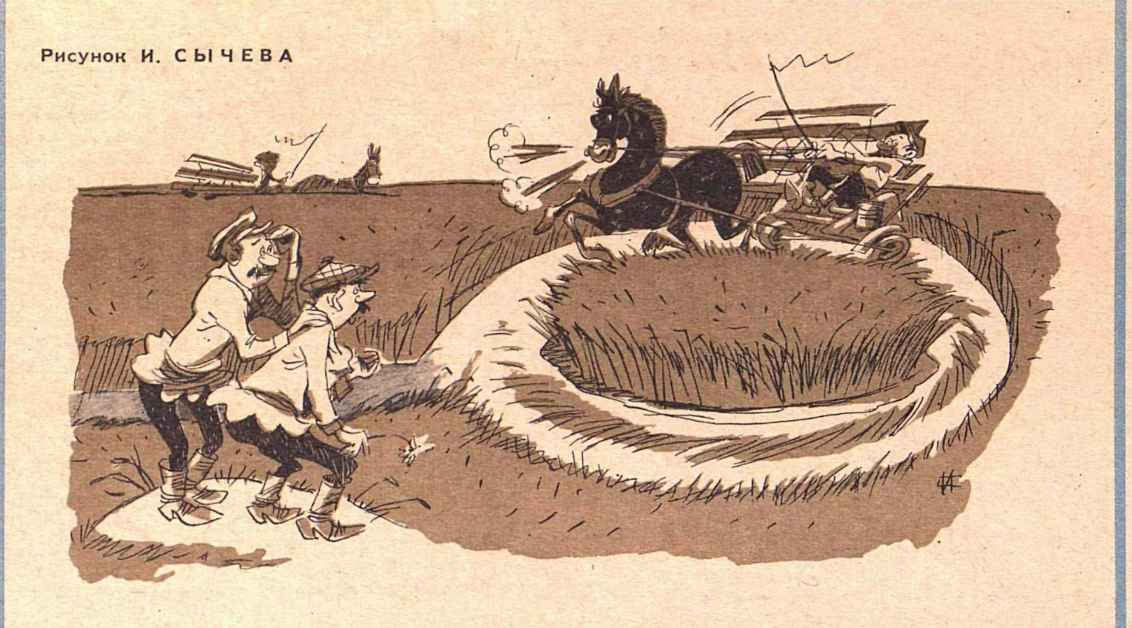

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Приобрели лошадь, а она оказалась цирковой.

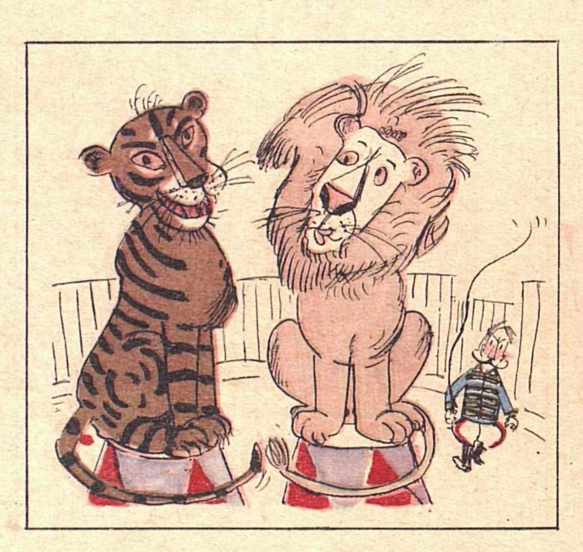
— Это ЖЭК? Когда же вы, наконец, пришлете водопроводчика?

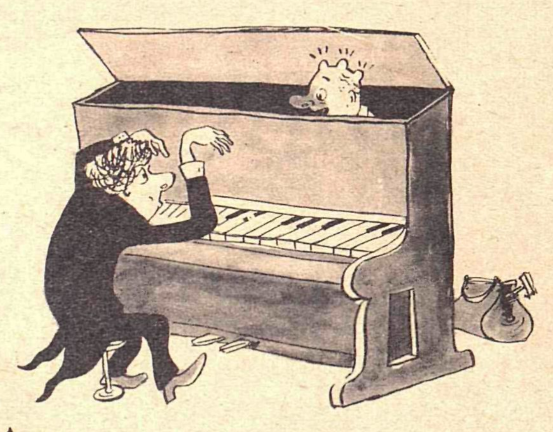
Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Ну как новый укротитель?
— Пожуем — увидим...

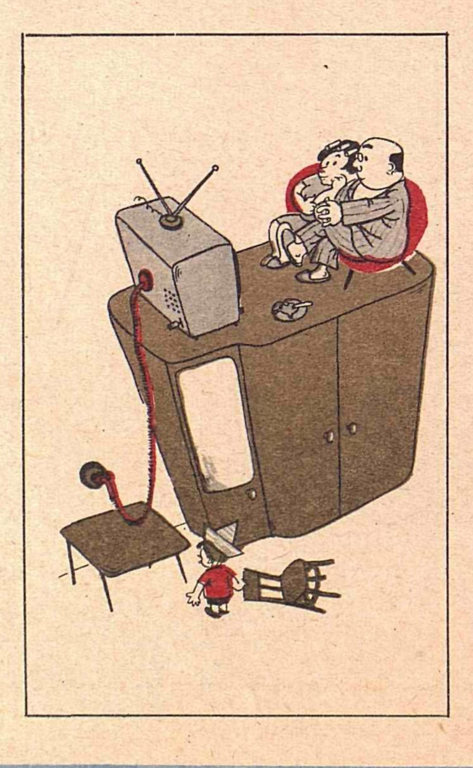
Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— Дадите вы мне в конце концов возможность настроить инструмент?

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Опять передача не для детей!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Вал. АЛЕКСЕЕВ

СОЧИНЕНИЕ
на трудную тему

Сидор Карпыч вошел в вестибюль станции метро, потоптался в нерешительности у кассы и, наконец, набрав полную грудь воздуху, шагнул к контролеру. У него был единый билет, и он не считал нужным тратить лишний пятак, чтобы пройти через турникет, хотя идти мимо контролера, мужчины с дьявольски утонченным обонянием, было рискованно.

Главное — задержать дыхание, решил Сидор Карпыч и, побагровев от натуги, показал контролеру свой единый билет. Контролер бросил на фотографию утомленный взгляд и с безучастным лицом пропустил мимо себя Сидора Карпыча.

— Набрался, отец? — сказал, проходя мимо Сидора Карпыча по платформе, какой-то молодой парень.

Сидор Карпыч хотел ему ответить строго и внушительно и уже начал было говорить что-то, но в это время подошел поезд, и парень уехал. Это погрузило Сидора Карпыча в размышления мрачные и мизантропические, в каковых он и пребывал до самого прихода следующего поезда.

Оказавшись, наконец, на поверхности земли в непосредственной близости от дома, Сидор Карпыч не почувствовал себя веселее. Вдруг вспомнилось ему, что дома у него тоже растет сын, такой же примерно гвардеец, как и тот, который сделал Сидору Карпычу неуместное замечание.

— Растут вкривь и вкось, как бог на душу положит! — сказал Сидор Карпыч, остановившись и закурив сигарету со стороны фильтра, отчего она зачадила желтым дымом, по вкусу напоминающим скисшее молоко. От этого ли дыма или от горьких размышлений, но стало на душе у Сидора Карпыча совсем пасмурно.

— Вот она, нынешняя молодежь, — бормотал Сидор Карпыч, и ноги сами несли его в сторону дома. — Без роду, без племени, а кто виноват? Вот, скажем, сына моего взять... Упустил парня, прошу не спорить, упустил...

Никто и не собирался спорить с Сидором Карпычем; напротив, все шарахались от него и жались к освещенным витринам. От этой неспособности людей выдвинуть какие-то решающие контрдоводы красноречие Сидора Карпыча развернулось необычайно. Придя наконец к выводу, что не все еще потеряно, он перешагнул порог своей квартиры в самом непримиримом настроении.

Сын его, десятиклассник Коля, сидел за обеденным столом и что-то писал.

— Все пишешь, значит? — ядовито сказал Сидор Карпыч, подойдя и заглянув ему через плечо. — Писателями все заделались?

— Уроки, отец, — коротко сказал сын Коля, поднялся и привычно помог отцу снять пальто. — Задают много...

— «Задают»... — отечески проворчал Сидор Карпыч, в то время как сын Коля, усадив его на диван и присев на корточки, расшнуровывал его ботинки.— Любовные письма, небось, пишешь... Знаю я вас, молодых: бабы да пьянки одни на уме...

— Да что ты, отец,— засмеялся сын Коля, снимая с Сидора Карпыча галстук. — Какие любовные письма! У меня и девчонки-то нет.

— Не груби! Как ты смеешь мне говорить «да что ты»? — строго сказал Сидор Карпыч и затоптался на месте, потому что сын Коля начал стягивать с него рубаху. — Никакого уважения к старшим...

— Ты не прав, отец, — сказал сын Коля, взяв Сидора Карпыча под руки и осторожно подводя его к постели. — Я тебя уважаю.

— А уважаешь, так молчи, — сурово сказал Сидор Карпыч, лег и натянул одеяло до подбородка. — Отец тебе добра желает.

— Подушку поправить? — спросил сын Коля.

Сидор Карпыч выпростал из-под одеяла руку и, назидательно подняв палец, сказал:

— Смотри у меня... Вырастешь тунеядцем — добра не жди.

— Конечно, отец, — сказал сын Коля и, вернувшись к столу, снова начал писать. Задание у него было трудное: сочинение на тему «За что я уважаю своих родителей».

Зарисовки с натуры

Так начинаются первые

На углу тесной и шумной московской улицы и такого же переулка шел ремонт дома. Уличная жилплощадь была сведена до минимума. Дощатый забор отделял ремонтных рабочих от пешеходов и автомобилей. Забор этот пах лесом. Когда весеннее солнце прогревало воздух, виделось даже, как доски струят сосновый аромат.

Я хожу по этому маршруту в обеденный перерыв и уже знаком со многими обитателями улицы. Однажды я увидел девочку, которую встречал и раньше. Она стояла на деревянных настилах тротуара и плакала. Слезы бежали по ее лицу как бы сами по себе, оставляя блестящие полоски среди первых, неярких еще веснушек. Девочка стояла и плакала и раскачивалась на досках соответственно тяжелым шагам взрослых.

Я остановился и не знал, что мне делать. Иногда, согласитесь, не следует обращать внимания на человека, если он плачет. Но этот человек не стеснялся слез и сам глянул на меня вполне доброжелательно.

— Здравствуйте,— сказала девочка. С этого и началось знакомство.

— Почему ты плачешь? — как можно равнодушнее спросил я у нее.

— А вы папа из пятого «Б»? — задала ответный вопрос девочка.

Я утвердительно кивнул головой и чуть провел ее от угла улицы в более спокойный переулок. Теперь она сама с охотой шла за мной и рассказывала.

Всегда ее провожает туда мама, а теперь мама не пришла, и все очень испортилось. «Понимаете,— говорила девочка,— они могут подумать, что мы это специально придумали, просто чтобы нас спасла баранка. Баранка сразу дает им два очка. Если я не приду, они подумают, что меня Верка уговорила, а Верка сама может опоздать, мы уже на нее баранку повесили».

Еще несколько реплик, и мне стало ясно, почему так горько плакала моя новая знакомая. Дело было в том, что секция юных гимнастов, в которую она записалась еще в первом классе, проводила занятия в другой школе. Добираться до нее было сложно. Мама не разрешала девочке ходить без провожатого. А мама не пришла.

Если б еще обычная тренировка, можно было бы и не плакать. А то ведь ответственная встреча. Сборная на сборную. Каждое очко на учете. За неявку «0» — пресловутую «баранку». Поставьте себя на место девочки, и вы поймете сложность ее переживаний.

Возле редакции мы остановились.

— Так что же, собственно, нам делать? — проговорил я.

— Надо срочно позвонить маме,— быстро ответила девочка.— Она меня с вами отпустит. Она очень доверчивая. Она часто говорит брату Вовке: «Умей видеть в людях хорошее».

Дозвониться Надиной маме было минутным делом.

Вначале мама слушала меня с недоумением — никак не могла понять, кто звонит и кому ее дочь рассказывает о «баранках». Наконец мы поняли друг друга. Пока шел разговор, Надя очень волновалась. «Скажите ей, что вы не совсем посторонний, что вы из пятого «Б», мама очень доверчивая»,— шептала девочка. Я и сам чувствовал, что Надина мама доверчивая. Она поблагодарила меня, извинилась, что не сумела проводить девочку и теперь вот доставила хлопоты чужому папе.

— Видите,— совсем приободрившись, сказала Надя,— мама тоже была спортсменкой, она знает, какой позор баранка, она просто занята: работа.

Надя шагала быстро, встряхивая, как хороший грузчик, тяжелый ранец, сползавший с ее плеч.

Выручить нас могло только такси. Надя взялась остановить машину.

Вид маленькой девчонки, храбро махавшей рукой на быстрой улице, тронул сердце первого же таксиста. Надя метнулась в машину, назвала адрес школы, где должны были состояться соревнования юных гимнастов. Ехать нам нужно было минут десять, так что мы почти успевали.

Азарт предстоящей борьбы уже бушевал в сердце моей маленькой спутницы. Перед красными светофорами она досадливо махала рукой и приговаривала: «Ну, что же они, ну что же они!»

«Они» были милиционеры и машины, которым, по мнению Нади, некуда было спешить, и, уж во всяком случае, они торопились меньше, чем мы.

Шофер, молодой человек в кокетливой рыжской шапочке, довольно быстро вошел в курс дела и, заразившись нетерпением пассажирки, пробивался сквозь ряды машин с виртуозным умением.

Только однажды, уже перед самой школой, у шофера произошел маленький конфликт с пассажиркой.

— Это, значит, ты из-за золотой медали ревела? — неизвестно зачем сказал он девочке.

Надя вся подтянулась, лицо у нее стало сердитым, остреньким.

— Что вы, дядя, понимаете в спорте? Я же за команду болею, ведь у нас командные соревнования, а золотая медаль мне совсем не нужна, можете ее себе брать...

Шофер улыбнулся, подмигнул мне и примирительно добавил:

— Это я так, для проверки. А золотая медаль у меня у самого есть — за городки. Понимаешь, удар — и нет фигуры...

Мы подъехали к школе, и девочка выпрыгнула из машины.

— Скажи моему сыну, какой будет результат! — крикнул я ей.

Потом я протянул шоферу полтинник.

— Нет, товарищ, денег не возьму, считайте, что приехали бесплатно. Спортсмен должен выручать спортсмена.

Я принялся уговаривать его, и тут он сам предложил выход.

— Давайте оплатим проезд пополам, так правильнее...

Он весело, резко пожал мне руку и с шиком рванул с места.

На следующий день мой сын, как и положено юным мужчинам, небрежно сказал:

— Там какая-то второклашка подходила и просила передать тебе шифр: «Мы все равно остались на втором месте».

Я в тон ответил:

— Да-да, я это знал, но и первыми они будут.

«Потому что,— подумал я про себя,— именно так начинаются первые».

А. АДЖУБЕЙ

— Какая же это игра, Иван Иванович? Это мы культорга выбираем!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— На этот раз отпускаем, но смотри, больше не попадайся на глаза!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Города—как люди. Они рождаются, растут. Города могут болеть, как люди, и радоваться. У них бывают настроения хорошие и плохие, и если настроение у города плохое, он переносит это ничуть не легче, чем человек.

Мариинск был маленьким городом — пятьдесят тысяч жителей. Рыбная река Кия протекала через него, пролегали три автобусных маршрута, а улицы были обсажены тополями.

Слесарь Филиппов родился здесь, в Мариинске, с любовью к делу работал в депо, сотрудничал в местной газете «Вперед» и оканчивал вечернюю школу — одиннадцатый класс. В обращении с людьми был он тих, застенчив и, словом, относился к той редкой теперь категории молодых людей, которые, попав в компанию, сразу садятся в укромный уголок, к радиоле, и весь вечер меняют пластинки.

ЧЕСТЬ МУНДИРА

Был он у всех на самом лучшем счету. И когда под новый, 1966 год город выделил на депо пять билетов для лучших работников, два билета предложили Филиппову. Взял он только один билет, потому что девушки у него не было. Так слесарь оказался на городском новогоднем балу один, без деповских друзей, отчего в основном все и обернулось так нехорошо для него.

Под Новый год летели в потолок пробки, били куранты, Дед Мороз с большой веерной бородой вызывал из углов застенчивых: танцевать, танцевать!

Во время танцев Геннадий Филиппов познакомился со Светланой Денисовой.

Перед Новым годом донор Денисова сдала кровь и ей сделалось плохо от выпитого, от духоты.

— Проводите меня,— попросила она слесаря.— На улицу. У меня голова кружится.

Он вывел ее на улицу.

Через пять-шесть минут Денисову ввели в клуб два милиционера. Другие чуть позже — Филиппова. По лицу слесаря была размазана кровь. В кабинете, куда его привели, он сказал тем двоим младшим лейтенантам, что остались в комнате:

— Я на вас буду жаловаться. За что били меня?

— Надо было тебя бить,— сказал младший лейтенант Бочкарев.— Ты забыл, как летом я к тебе в лодку просился, а ты меня не подвез? И вздумай жаловаться — вот она, знакомая твоя, лежит, лыка не вяжет. Пожалуешься — изнасилование пришьем. Взял это в толк?

— Взял,— сказал слесарь.— Так я это не оставлю.

Тогда милиционеры вызвали «Скорую помощь».

— Надо девушку освидетельствовать. Пьяный вот изнасиловал.

— Нет,— посмотрели врачи.— Исключено. Отпадает.

— Заберите его в вытрезвитель.

— Он трезвый,— сказали врачи.— Только избит.

И уехали.

Тогда милиционер Моргунов вызвал оперативную группу.

— Нет,— заключили сотрудники оперативной.— Девушка в полном порядке.

— Заберите его в вытрезвитель.

— С какой стати? Парень ни в одном глазу.

И уехали.

— Ну, иди,— сказал тогда слесарю Бочкарев.— Духу твоего чтобы...

Он ушел и потом три месяца лежал в больницах. Три месяца стационарного лечения, и предыстория болезни: ударили по лицу, в живот, а когда упал — схватили вдвоем под мышки и в сгибе колен, приподымали и били крестцом о землю.

И история болезни: ушибы пояснично-крестцового отдела, кровоподтеки на бедре и голени, расстройство почек, сотрясение спинного и головного мозга.

Жалобу он написал из больницы. Мать отнесла ее в горком, и дальнейшее разбирательство почему-то поручили милиции. Вскоре заместитель начальника мариинской милиции капитан Железняк доложил: Бочкарев и Моргунов ни в чем не замешаны. Слесарь клевещет на безупречный городской отдел, чтобы скрыть свои недостойные действия.

Заявителю ответили. Копию подшили: «В возбуждении уголовного дела

МОЯ РЕКЛАМА

Рисунок А. ГРУНИНА

Рисунок Е. МИГУНОВА

отказать». Направление на экспертизу изловчились не дать.

В городе совсем по-другому отнеслись к происшедшему. Коммунисты депо взялись сами расследовать дело Филиппова. Полтора месяца группа машиниста Назарова опрашивала людей по дикому, злому, несправедливому делу.

— В ту ночь мы вообще не выходили на улицу из клуба! — твердили Бочкарев и Моргунов. И расписывались в правильности показаний.

— Мы видели, они не выходили,— подтверждали другие милиционеры и тоже расписывались.

Оказалось, ложь.

Галина Чебурова, свидетель и очевидец, натолкнулась в ту ночь возле клуба на двух милиционеров. Они стояли над человеком, лежащим в снегу, и одного она опознала: Олег Бочкарев. Она остановилась и смотрела на них, а в это время со стороны подошел третий милиционер.

— Нечего,— сказал третий.— Нечего тут вам стоять! Проходите.

Все это Чебурова подтвердила на очной ставке. Тут-то гладкие показания младшего лейтенанта и стали косноязычными, путаными: да, раньше говорил, что не выходили из клуба, но, может, и выходили, может, и с Моргуновым... Выводили, должно быть, кого... Но не били. Ну, разве толкнули...

Уголовное дело об избиении пришлось все-таки завести. Завели. Помарали две пачки бумаг, а потом и прикрыли: «Учитывая, что дело объективными данными и свидетельскими показаниями не подтверждается, уголовное дело прекратить. Зампрокурора города П. Шитенко».

Однако чересчур белыми нитками было тут шито. И в мае, когда слесарь Филиппов вышел из больницы, областная прокуратура возобновила дело, приказала лучше расследовать. Тогда П. Шитенко вызвал слесаря повесткой.

— Отпросись с работы,— приказал зампрокурора.— Съездишь в Кемерово, надо помочь следствию.

Филиппов отпросился, поехал. А, обгоняя его, в областную психиатрическую лечебницу полетела сопроводиловка прокурора: «Поведение вызывает сомнение в его психической полноценности, так как Филиппов пишет жалобы во многие инстанции и редакции газет. Подробно и пунктуально описывает события избиения».

Не три дня, а три месяца без права переписки держали в психиатрической лечебнице слесаря Филиппова.

Никто не знал, где он. Не знали люди в депо, что говорить его матери и отцу, чем их утешать.

Какое же заключение вынесли врачи после этой трехмесячной, никчемной, первой за полгода после избиения официальной экспертизы?

«Срок причинения повреждений определить не представляется возможным ввиду отсутствия характерных корочек и ссадин». А что до найденных остаточных явлений сотрясения мозга, так это, может быть, последствия гриппа, перенесенного Филипповым семь лет назад. Грипп — с ним не шути!

И зампрокурора Шитенко снова прикрыл уголовное дело. А жизнь пошла дальше — текучка, будни, то, се.

Правда, как-то пришли, доложили:

— Бочкарев-то, тот самый, опять пошутил. Сломал руку Баркову, истопнику при банях.

— Как же сломал?

— А говорит, кто его знал, что он кости имеет хрупкие, птичьи. Я, говорит, только его потянул из бани, а рука и того...

С лицом широким и красным, как смазанная жиром медная посуда, ходит по городу, исполняет обязанности милиционер Бочкарев. Теми же улицами ходит слесарь Филиппов. А уголовного дела в прокуратуре нет и на этот раз.

Так где же они, прописные, четкие буквы закона? Действует ли закон в городе Мариинске?

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Мариинск,
Кемеровской области.

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот фельетон был написан полгода назад. В то самое время, когда мариинский зампрокурора Шитенко первый раз закрыл уголовное дело по избиению и отказал Филиппову в иске.

Можно было печатать фельетон полгода назад. Но тогда мариинские юристы заверили нас:

— Мы пересмотрим дело. Справедливость восторжествует.

И Крокодил отложил фельетон. Уважил просьбу юристов.

Но зампрокурора города стоял на своем.

— Не могли милиционеры его побить,— сказал зампрокурора.— Ясно, не били. Если бы они его били, он бы домой не дошел. А он, известно, дошел.

После этого Кемеровская областная прокуратура дважды возобновляла дело и отправляла его в Мариинск на доследование. Терпеливо и пространно областные работники юстиции разъясняли в письмах своему районному коллеге Шитенко: обратите внимание — в свидетельских показаниях не сходятся концы с концами. Обратите внимание — есть явные лжесвидетельства.

Но мариинский зампрокурора опять же стоял на своем. Оберегал честь мундира. Прекращение дела — это был уже вопрос принципа.

— Нет состава преступления! — отвечал зампрокурора.

А состав был. И как только следствие было поручено принципиальному, способному следователю мариинской прокуратуры Тульцевой, состав преступления вскрылся. Избиение милиционером Бочкаревым Геннадия Филиппова имело место. Руку истопника Баркова милиционер Бочкарев сломал.

Недавно состоялся суд. Можно известить читателя, что милиционер Бочкарев из органов охраны общественного порядка уволен. А также осужден на три года условно.

Теперь судите сами: не следовало ли для пользы дела осудить Бочкарева на срок пусть хотя бы и меньший, но — безусловно?

ПРОСТО АНЕКДОТ

Безработный Джон читает статистический бюллетень, согласно которому в стране голодает каждый седьмой человек.

— Интересно! — говорит он.— Оказывается, в нашем квартале собрались все седьмые...

●

За завтраком муж уткнулся в газету. Жена подает ему кофе. Сделав первый глоток, муж с возмущением говорит:

— Ты же знаешь, что я не люблю кофе с сахаром!

— Знаю. Но мне очень хотелось услышать твой голос.

●

Звонок. Маленький мальчик открывает дверь и видит на пороге жениха своей сестры.

— Люба! — кричит он сестре.— Твоя «синица в руках» пришла!

●

Когда парикмахер занес над клиентом бритву, тот, с опаской поглядев на мастера, спросил:

— А у вас есть еще одна бритва?

— Зачем вам?

— Для самозащиты.

●

— Здесь будет выступать смешанный хор.

— Какой же он смешанный? Я вижу только мужчин.

— Да, но одни умеют петь, а другие — нет.

●

В кафе сидят две молодые женщины.

— Почему бы тебе не выйти замуж за Жана? — спрашивает одна.— Он такой утонченный, от него всегда пахнет одеколоном.

— Предпочитаю Эмиля — от него пахнет бензином...

●

Муж спрашивает жену:

— Интересно, откуда ты знаешь о всех тех вещах, которые не советуешь делать нашим дочкам?

●

Султан подарил английскому дипломату, который оказал ему значительную услугу, гарем, насчитывающий пятьсот женщин.

— Благодарю вас,— говорит дипломат,— но я не могу принять этот подарок.

— Почему?

— Я не вынесу вида пятисот пар чулок, которые будут развешаны каждый вечер в моей ванной.

●

Отец на кухне моет посуду. Входит сын и спрашивает:

— Папа, что такое двоеженец?

— Это человек, который моет вдвое больше тарелок, чем я.

— Это актер-трагик. Его пригласили тренировать наших футболистов.

— Больше переживаний! Страдайте натуральнее! Ведь вы же покалечены!..

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ...

Станет ли сказка былью?

В городе Кизляре решили соорудить баню. Шли годы, менялись подрядчики и прорабы, а бани все не было. Наконец построили, сдали... *Но тут же сама собой обрушилась банная канализация.* С горя баню переоборудовали в общегородской вытрезвитель...

Секретарь Кизлярского горкома КПСС тов. Красноженов в ответе на фельетон «С легким паром!» («Крокодил» № 36, 1966 г.) сообщил, что виновники брака производитель работ от управления механизации треста «Дагстрой» Я. С. Колбасов и сотрудник Кизлярского отдела коммунального хозяйства С. Ф. Камышов привлечены к уголовной ответственности. Решением бюро горкома партии бывшему заведующему баней Д. П. Плаксину за бесконтрольность и нарушение финансовой дисциплины объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Приятно, что кизлярцы наконец-то пользуются благами санитарии и гигиены. Но как, наверное, завидуют им казахские чабаны!

«Сказка о бане» — так назывался фельетон, опубликованный в «Крокодиле» № 35 за прошлый год. В нем шла речь о мечте чабанов — передвижной бане, которая в течение многих лет регулярно фигурирует на выставках достижений, *однако в серийное производство так и не поступает.*

Заместитель Председателя Совета Министров Казахской ССР И. Слажнев сообщил, что в настоящее время зональным конструкторским бюро Министерства сельского хозяйства Казахской республики разработана окончательная конструкция передвижной бани. Совет Министров Казахстана поручил Чуйскому заводу системы «Казсельхозтехники» изготовить в текущем году 26 передвижных бань новой конструкции на шасси автомобиля «ЗИЛ-157». По результатам работы этих бань будет принято решение о дальнейшем их производстве на предприятиях республики.

Что же, будем надеяться, что на сей раз сказка о бане наконец-то станет былью.

Коротко, но неясно

Перед нами письмо, присланное *в редакцию ректором Ярославского* медицинского института тов. Н. Ярыгиным и секретарем партбюро тов. Г. Манучаряном.

Речь идет о фельетоне «Пожалейте Гиппократа!» (№ 10 «Крокодила»), в котором описывались хулиганские похождения студентов-медиков.

И вот т. Ярыгин и т. Манучарян кратенько, по-деловому сообщают нам, что фельетон обсуждался на заседании партийного бюро (конечно!), что они рассматривают «имевшие место случаи хулиганства как недопустимое явление» (разумеется!) и что «в целях недопущения возникновения подобных случаев в будущем» решено «улучшить идейно-воспитательную работу» (а как же иначе?!).

Ну, а если поконкретнее? Как чувствуют себя упомянутые мастера «имевшего место» членовредительства? Может быть, «в целях недопущения» этой неясности выскажется прокурор Кировского района г. Ярославля тов. Н. Чистяков, присутствовавший на заседании партбюро в качестве, так сказать, почетного гостя?

КОТ ИХ РАССУДИТ

Возможно, многие меня знают. Я — Лимонадный Джо, герой одноименного фильма. Вместе с другими киногероями мне приходится много путешествовать по кинотеатрам и клубам. Порой с нами случаются приключения, не предусмотренные авторами фильмов. Вот некоторые из них.

Житель Кизела купил билет на картину с интересным названием:

Владелец билета уселся поудобнее, снял головной убор и... застыл в недоумении. На экране появились титры «Девочка на шаре». А этот фильм зритель уже имел удовольствие посмотреть в прошлую субботу.

— Вы уж извините,— почесал в затылке администратор.— Фильм «Девочка на шайбе» — плод воображения нашего художника. Большой, знаете, любитель хоккея. Пока его рука рисовала афишу, он болел за родную хоккейную команду. Вот и описался.

К удивлению зрителей, герои известной картины «Старики на уборке хмеля» решили попробовать свои силы на новом поприще:

Старики на уборке хлеба

(г. Мелекесс, кинотеатр «Спутник»).

«СТАРИКИ НА УБОРКЕ СНЕГА»

(Газета «Октябрьский нефтяник», Башкирская АССР).

Художник клуба стройтреста (г. Ленинград) писал афишу к фильму «Дети Дон-Кихота».

«Тут что-то не так! — видимо, рассудил он.— Читал я про этого борца с ветряными мельницами. Не было у него детей. Вот у Дон-Жуана детишки наверняка были, и, поди, в большом количестве. Тоже мне, снимают фильм, а про что, сами не знают!»

И написал:

„Дети Дон-Жуана"

Товарищ по несчастью объявился у героини картины «Соблазненная и покинутая»:

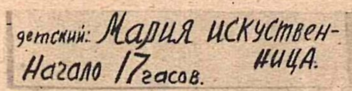

(ст. Усмань, Липецкой области).

Посетители ленинградского кинотеатра «Заневский» не ломали голову над вопросом, поставленным в названии фильма «Кто их рассудит?». Ответ был дан в афише:

Кот их рассудит

Детишкам в поселке имени Попова (г. Комсомольск-на-Амуре) вместо «Марьи-искусницы» была предложена

Не миновала коварная рука тружеников рекламы и фильмы «Лес повешенных», «Дитя Дуная», «Убить пересмешника».

«ВЕС ПОВЕШЕННЫХ»

(Газета «Тамбовская правда»).

(село Куракино, Пензенской области).

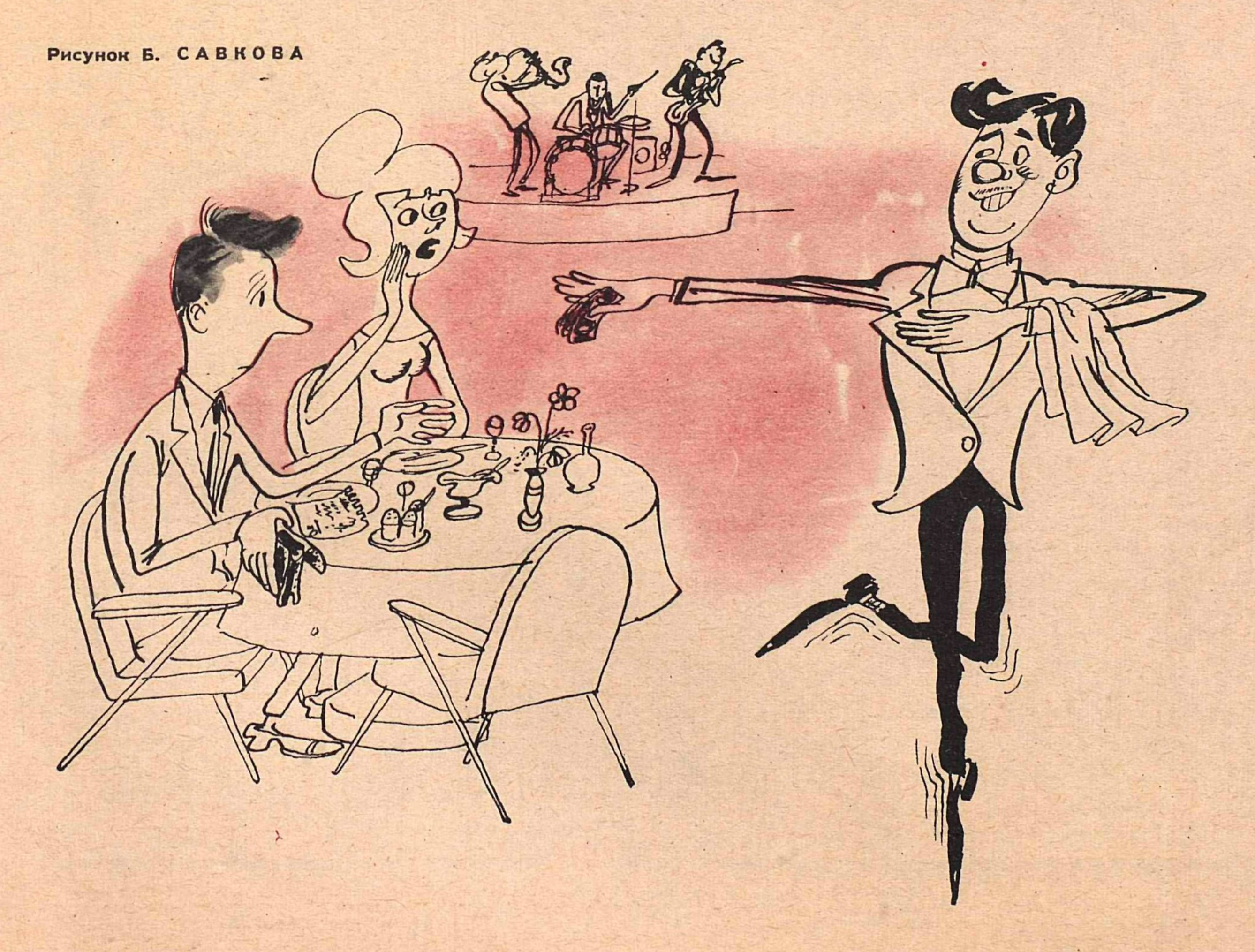
(г. Балашов, кинотеатр «Победа»).

Мне тоже досталось. Кем я только не был! И Лимонадным Джоном, и Лимонадным Джином и даже Лимонадной Джонкой. Но это еще куда ни шло. Боюсь, как бы не случилось худшего. Поэтому я сразу хочу предупредить всех моих будущих прокатчиков: я — Лимонадный Джо, а не Нарзанный, не Боржомный, не Винно-водочный, не Коньячный, не Пивной и т. д.

Примите и проч.

Ваш Лимонадный Джо

Рисунок Б. САВКОВА

— А на остающиеся семь сорок я вам станцую!

КРОКОДИЛ

№ 17 (1847)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера разработали: М. Вайсборд, Е. Владимиров, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, С. Кузьмин, М. Скобелев, Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00113
Подписано к печати 8/VI 1967
Формат бумаги 70×108 1/8.
2 печ. л., 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 926.
Заказ № 1767.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70 448

Греческий остров Юра превращен в гигантский концлагерь для противников нынешнего монархофашистского режима.

«ЮРСКИЙ» ПЕРИОД ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА